

Бала-Сити

«Бала-Сити» – международный полилингвальный детский сад.

Уникальная особенность детского сада – общение с педагогами-носителями языка.

Англичане, американцы, китайцы открывают детям богатый мир языка и культуру своего народа.

Общение, игры и занятия с детьми происходят в непринужденной творческой, развивающей атмосфере.

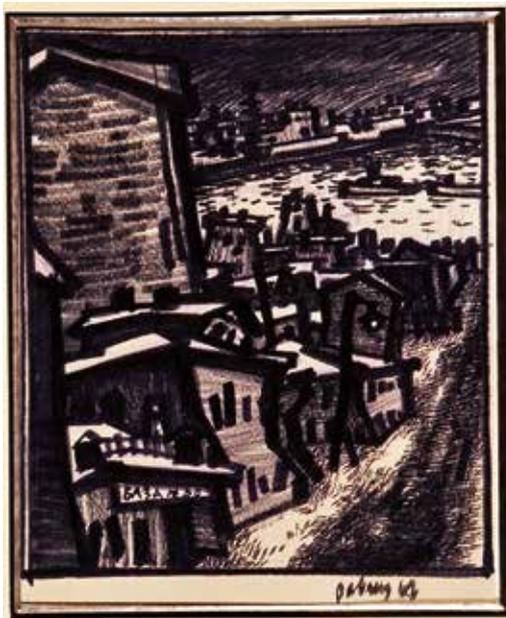
Большое внимание уделяется здоровью детей: питание, экологически чистые материалы интерьера, гипоаллергенная среда, регулярные прогулки, детская йога.

В данный момент проводится набор в группы от 1,8 до 7 лет в новый детский сад с видом на Кремль.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ САД «Бала-Сити»

г. Казань, ул. А. Еники, д. 23,
ул. Лево-Булачная, д. 14 а
тел. (843) 225-20-35
www.balacity.ru

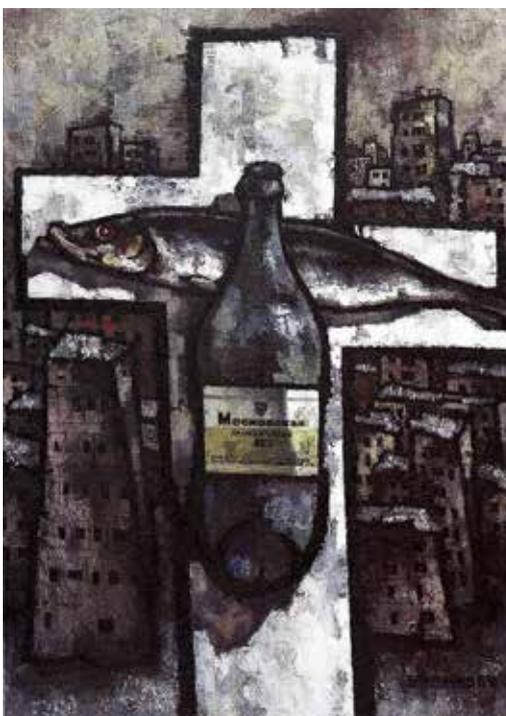

«База №30. Московский ночной пейзаж», 1968 год

что от вас требуется, – сидите тихо и не рыпайтесь. Им казалось, что уберут они лидера, все проблемы решатся сами собой, и почему-то ткнули пальцем в меня.

То есть вы себя не считаете лидером «Бульдозерной выставки»?

Отчасти да, но это были вынужденные обстоятельства, почти самооборона. Вообще-то мне это несвойственно: никогда – ни до, ни после – у меня не возникало желания лезть на баррикады, а тут завелся. Но я бы не смог ничего организовать, например, без коллекционера Александра Глезера. Его потом тоже выслали из страны. По-настоящему наши дороги с властями разошлись только после «Бульдозерной выставки». До этого сыпались проклятия в центральной прессе, но до конкретных действий не доходило. С 1974-го по 1978 год был период «переговоров». В один момент им это надоело, времена изменились в худшую сторону, и мне вместе с женой и сыном предложили туристическую поездку во Францию, где меня и лишили гражданства. Нет бы прямо сказать – выгоняем. Но они так не могли, надо было валять дурака.

«Русский поп-арт №3», 1964 год

Стоила ли игра свеч?

Тогда казалось, что цена слишком высока. Я был уже немолодой, 50 лет, жена чуть старше. Мы – сложившиеся люди, языков не знаем, за границей никогда не были. Конечно, я понимал, что как-нибудь мы проживем. Все-таки мои картины уже знали на Западе. Сегодня я вижу, что из-за эмиграции ничего трагического не случилось. Никакой обиды на власть у меня нет. Как художник, я могу здесь жить: вначале было сложнее, сейчас, последние несколько лет, совсем неплохо.

А с точки зрения истории?

Глядя на прошлое из сегодня, думаю, может, и не стоила. Так как неизбежно пришло бы время большей свободы и без «Бульдозерной выставки». Сколько бы ни притесняли художников, система все равно в итоге себя исчерпала и сама себя разрушила. Но это понятно сегодня, а тогда это было большим событием: советская власть уступила в идеологии, к которой они относили искусство – такое в СССР случалось нечасто.

Если смотреть глобально, как бы вы определили роль «Бульдозерной выставки» в истории современного искусства?

Результат выставки – это реальный шаг властей в СССР по признанию ряда направлений в современном искусстве – абстракции, сюрреализма и более современных направлений, – которые до этого считались антисоветскими. Раньше и речи не могло быть о том, чтобы подобные картины можно где-то выставить официально.

«Бульдозерная выставка» пробила эту стену. В горьком начали выставляться «неофициальные» художники. Несогласие и с нашей стороны, и со стороны властей сохранялось, но выставки пользовались огромным успехом. Там выставлялись и Кабаков, и покойный Эдик Штейнберг, и Владимир Немухин. Кроме того, «Бульдозерная выставка» помогла следующему поколению художников существовать и работать более свободно. Никто уже не кричал, что они антисоветчики, уже не так страшно было.

Почему вам так и не удалось стать официальным художником?

Есть художники, которые умеют великолепно работать в любом стиле, и в те времена многие жили на два фронта: для выставок делали одни работы, дома же, для себя, писали свободнее. Я так не умел, поэтому и зарабатывать художническим ремеслом не мог. Нарисовать на среднем, сером уровне Союза художников не получалось, даже когда я рисовал с натуры. Именно не получалось, а не то чтобы я не хотел. Я пробовал, показывал свои работы, пытался вступить в Союз художников. Но там говорили, что они слишком мрачные, позорят Советский Союз, жизнь советского человека не такая черная, как у меня на картинах. Я пытался возразить, что живу в бараке и пишу то, что меня окружает. Вы хотите реализм, так вот он – настоящий реализм.

Даже не живя в России, вы пишете Париж, как советские бараки. С чем это связано? Это своего рода ностальгия?

Ностальгия – это болезнь, как корь. Ею надо переболеть один раз в жизни. Художника Анатолия Каплана как-то спросили: «Почему вы все время рисуете дореволюционных провинциальных евреев, козочек и так далее, которых в жизни уже не существует?» Он отвечал: «Я так вижу». Вот и я «так вижу». А чтобы мне таких вопросов не задавали, я специально пририсовываю на заднем плане Эйфелеву башню: так всем понятно – уже не Лианозово, а Париж. Но настроение мое, мой почерк, мой взгляд на мир. Сейчас я уже ничего нового не открываю.

То есть «золотой период» Рабина – это советские работы?